

НА ЕДИНЕ С АНДРОНИКОВЫМ

ИТАК, то, что было доступно лишь небольшой аудитории, которая некогда измерялась кругом друзей и знакомых, затем масштабами творческого клуба, наконец Концертным залом имени Чайковского — «Слово Андроникова» — с появлением телефильмов объединения «Экран» стало достоянием миллионов зрителей.

Известно, какое великое значение для исполнителя имеет аудитория, ее дыхание, ее реакция. Снимать фильмы предполагалось во время публичных выступлений Андроникова, но он отказался от зрительской поддержки, и фильмы «Экрана» сняты в «чистом» виде — Андроников один на один со съемочной камерой.

Это было риском — лишиться зрителей. Но Андроников выиграл. Возникло нечто еще более значительное, чем общение с большой аудиторией, — прямая связь между ним и человеком, сидящим перед телевизором.

Блистательные портреты, создаваемые им, не самоцель. Это литературная форма произведений писателя Андроникова, совершенно своеобразная форма, в которую заключены размышления автора о жизни, его взгляды, симпатии и антипатии, его добродушная критика своих героев. Рассказы И. Андроникова — произведения особого, уникального жанра, рассказанные на их исполнение автором, хотя и читая их напечатанными, не перестаешь восхищаться масштабом писательского таланта.

Если бы мне нужно было выбрать один из двенадцати рассказов Андроникова, заключенных в фильмы «Экрана», отдать одному из них предпочтение, я был бы в великом затруднении. Они все хороши — и «Обед в честь Качалова», в котором с неповторимым юмором и любознательно написаны портреты Алексея Толстого и Качалова, а вместе с тем и атмосфера толстовского дома; и трогательные старики — грузинский дядя и его подруга Мария Михайловна Саларова-Абашидзе; и смешной рассказ об Иване Ивановиче Соллертинском, выдающемся музыковедом и литературоведе, удивительном человеке, который знал 25 языков и 100 наречий; и рассказ о старике — колхозном стороже Андрее Ефимовиче Исаеве, «современнике Лермонтова», и новеллы о Горьком, Есенине, генерале Чанчибадзе, Остужеве...

Удивительны по точности детали рассказы, передающие атмосферу эпохи.

Так, в одном из рассказов Всеволод Иванов говорит о своей встрече на улице голодного Питера с Блоком, который шел, «прижимая к левому боку краюху хлеба». Блок разговаривает с ним, а Иванов, сам того не сознавая, отковыривает куски от краюхи и кладет в рот, и только тогда это замечает, когда Блок, скосившись влево, сказал: «Кушайте, пожалуйста, мне хватит...»

У ФРАНЦУЗОВ есть образное выражение «телескоп» — так говорят о столкновении автомобилей, когда они врезаются сзади один в другой наподобие колен складываемого телескопа. Так вот, обратите внимание на «телескопичность» рассказов Андроникова, на то, как является нам вначале он сам — Андроников, как далее (в великолепном рассказе «Горло Шалапина») автор становится своим собеседником — великим актером Остужевым; как Остужев, рассказывая о Шалапине, становится Шалапиным и, наконец, Шалапин превращается в Олоферна из «Юдифи» Серова.

При этом в Остужеве, изображаемом с величайшим мастерством, мы продолжаем все время ощущать присутствие автора — Андроникова, а когда в его рассказе Остужев изображает Шалапина, то в этом слышится отношение к Шалапину и Остужева и самого Андроникова...

Рассказ об Остужеве, на мой взгляд, — один из маленьких шедевров Андроникова. Послушайте, как рассказано о гриме Шалапина для роли Олоферна:

«Рассчитывать на руку гримера — все равно что надеяться, будто вы можете выразить на моем лице волнующие меня чувства... Корпус Остужева чуть подался вперед, и уже не Остужева вижу я, а Шалапина перед зеркалом: дерзкий вырез ноздрей, крутую шею, обнаженный могучий торс. Потрогает, помнет свою физиономию, чтобы узнать, из чего она у него сегодня сделана, встряхнет бороду, прикинет к лицу. И щурится.

Кончики пальцев Остужева подперли складку под нижней губой — ассирийская борода! Насупилась бровь, сверкнул яростный взгляд Олоферна.

Бровь поднялась, ушли руки — снова Остужев продолжает неторопливый рассказ: придвинул карандаши, краски, начал класть смуглый тон, клеить черные — стрелами — брови, удлинил разрез глаз... нахмурился и опять в ясном взоре Остужева смелое выражение светлых шалапинских глаз. Руки поднесли к лицу воображаемую бороду, блеснули грозные очи ассирийца. Кашлянул, прокатил голосом первую фразу...»

И тут Андроников вдруг громыкает шалапинским (шалапинским!) басом эту фразу... и снова рассказ Остужева: «...не отнимая от лица бороды, Шалапин опустил голову, поднял бровь, глянул искоса — смотреть страшно!»

И так выкрикивает Андроников это «смотреть страшно!», что мы вдруг видим — видим! — и вправду страшное лицо шалапинского ассирийца.

Вот он какой, андрониковский «телескоп»!

ТЕПЕРЬ, когда явились на свет фильмы, все более хочется понять, в чем же секрет этого своеобразного явления искусства, имя которому — Ираклий Андроников. Почему нам бесконечно интересно видеть на экране просто одного человека, снятого фронтально, в лицо, без всяких вспомогательных зрелищных элементов?

Попробуем разобраться, в чем тут дело. Однажды во время показа по телевидению одного из телефильмов Андроникова мне представилась редкая возможность наблюдать за реакцией телезрителей. Удивительно, как вдруг на различных лицах — молодых и старых, хмурых и простодушных появилась общая, схожая улыбка — улыбка радостной встречи, улыбка ожидания чего-то доброго. Будто засветились эти лица одним светом, будто задуло веселым ветерком с экрана.

Но вот Андроников рассказывает нечто вполне серьезное. Улыбки, однако же, не исчезают, по интонации Андроникова угадывается, что этот «серьез» сейчас приведет к другой, еще более веселой шутке. Так оно и случается.

Наблюдая за зрителями, я ощутил огромную эстетическую силу Андроникова.

Мне представилась вся многомиллионная аудитория нашей страны, слушающая сейчас вместе с нами слово Андроникова, воспринимающая такой тактичный, так тщательно скрытый за литературным блеском его рассказа урок доброты, воспитанности, любви к знаниям, уважения к людям...

И когда такой урок — вовсе не урок, а этическая основа рассказа, когда воспринимаешь это не замечая, то такая незапрограммированная педагогика необычайно действенна.

Улыбка Андроникова. Она как бы приглашает нас быть соучастниками шутки. В его улыбке есть нечто, говорящее «мы-то с вами понимаем», эта улыбка уравнивает нас с ним, ставит нас в равное с ним положение, в этом выражено и уважение к нам, зрителям.

Ведь знаем же мы множество телеэкранных людей и знаем их улыбки. И, ничего не скажешь, среди них попадаются по-настоящему милые, добрые, умные улыбки. Все так. Но нам нужна эта улыбка, улыбка этого человека.

Главная же «тайна» Ираклия Андроникова, приковывающая нас к телеэкрану, это его «андрониковская» личность. Если правда, что личность имеет великое значение на сцене, на эстраде и что это значение ее в тысячи раз больше в кино, с его крупным планом, с возможностью заглянуть в глаза, «в душу» человека, то уж на телевизионном экране, где зритель остается наедине с «теле-человеком», эта проблема личности приобретает неизмеримо большее, решающее значение. Здесь мы сходимся с человеком глаза в глаза.

На примере Андроникова с предельной ясностью проявляется важнейшая особенность телевидения — нерасторжимая связь, возникающая между телезрителями и человеком, которого они «признали», с которым привыкли общаться на экране, которого они полюбили. Ну-ка представьте себе наш телеэкран без Ираклия Андроникова!

КИНО и телевидение вместе со всем великим, что они принесли в жизнь человека, в чем-то и обедняют его. Эта истина стала уже общим местом.

Когда кино и телевидение не дополняют чтение, не «плюс чтение», а заменяют его, — а это, увы, часто случается, — тогда можно говорить про обеднение.

Но вот появляется на экране Ираклий Андроников, и происходит чудо превращения его слов в живые образы замечательных людей. Мы видим и Толстого, и Горького, и Маршак, и Соллертинского, но... и вот совершенная особенность этого чуда — мы в то же самое время продолжаем видеть и неповторимую улыбку Андроникова, его жест, его мимику, мы продолжаем общаться с Андрониковым.

Удивительно это сочетание самого рассказчика, который сам, лично, интересен нам, с картинами, которые он вызывает в нашем воображении.

В этом смысле четыре фильма, созданных телевидением, — истинное открытие.

И еще особенность Андроникова: слушая его, чувствуешь неиссякаемый запас его знаний, неисчерпаемость возможностей, еще и еще может он рассказывать нам истории жизни людей — одна интересней другой.

Вот почему было бы очень важным продолжить телевизионную серию его рассказов.

Будем ждать новых встреч, новых вечеров наедине с Ираклием Андрониковым.

Алексей КАПЛЕР.